

Генеалогический аспект местнических споров XVII века.

Долгова Евгения Андреевна

студент

Российский государственный Гуманитарный университет. Москва. Россия.

dolgova-evg@rambler.ru

История местничества представляется обилием разрозненных и трудно сопоставимых фактов. Их пестрота и противоречивость, «остаточный» характер при отсутствии огромного массива документации, уничтоженного в огне 1682 года, ставят под вопрос саму возможность создания обобщающего исследования. Задачей становится историческая реконструкция местничества, систематизация его характеристик и понятий, выявление структуры и содержания местнических дел.

Местнические споры чаще всего возникали при разрядном назначении. Определяющими факторами при решении спора оказывались «отечество» (родовитость) и «честь» (чины) предков; реже – личные заслуги. В повседневности «странных и бестолковых понятий» (Валуев Д. В. 1845) невозможно было обойтись без фиксации местнических «потерек» и «находок», родословных легенд и «служб» предков. Все это обусловило существование частных родословных и разрядных книг, фиксирующих «местническую историю» отдельных родов. Среди таких источников мало изучены разрядо-родословные сборники – местнические справочники, построенные по типу родословцев и являющиеся реестром местнических «потерек»: невысоких или прямо позорных служб, а также «укоризн» происхождения и родства отдельных родов, позволяющих вести борьбу их противникам (Эскин Ю. М. 1994. С. 27). Опубликован всего один такой сборник: «Местнический справочник XVII века», изданный Ю. В. Татищевым в 1910 году. Анализ содержания этих сборников, их всестороннее изучение позволило бы расширить существующие представления о местничестве.

Несмотря на то, что «понятие о «честности» рода прежде всего связывалось с представлениями о «служебном почете» (Шмидт С. О. 1996. С. 349), изобилие местнического справочника родословными «потерьками» (порой откровенными фальшивками) свидетельствует о важности их в глазах современников. «Честность» рода, его родство с теми или иными фамилиями определяли саму правомерность претензий на определенный чин. Выявление же «укоризн» «отечества» резко понижало шансы и нередко оказывалось важным аргументом в местническом споре.

Прежде всего «укоризной» являлась связь с определенными социальными слоями. Одна из самых многочисленных «потерек», встречающихся в сборнике – указание на родство с детьми боярскими. В справочнике упоминается родство с митрополичьими (Лихаревы, Орловы, Пушкины), архиепископскими (Дашковы, Шаховские, Ржевские), патриаршими (Милюковы, Безобразовы, Нащекины), «царицына чина» (Панины, Голенищевы) детьми боярскими. Другая «потерька», связанная с происхождением, – упрек в родстве с холопами. Таких родов сравнительно немного. С холопами оказываются связаны Кафтыревы, Лихаревы, Полтевы (кабальное холопство), Чириковы, Ростопчины (служилая кабала). Справочник выстраивает особую иерархию потерек, отмечая существование различных видов холопства: служилого и кабального; истекшего и продолжающегося (тянущегося) («и ныне служит у боярина и князя Юрья Никитича Борятинского», – род Чириковых, Л. 115об).

Укоризною для рода (хотя и не столь значимой) являлось его происхождение из определенных земель. В справочник включено большинство представителей крупного удельного боярства территорий, присоединенных к Москве в середине XV-XVI вв.: тверичи Бороздины, Коробовы, Левашовы; рязанцы Селивановы, Коробьины, Сунбуловы, смоляне Самарины и Философовы. Несмотря на то, что справочник неизменно оговаривает их происхождение, складывается впечатление, что само по себе оно едва ли могло сыграть определяющую роль в местническом споре.

Далеко не столь безобидным было указание на происхождение рода из Новгородской земли. Как отмечал Н. Мятлев, «служба по городам Новгородского разряда... считалась менее честью, чем службы из городов Московской земли» (Мятлев. Н. 1912. С. 5). Бытование подобного взгляда связывается с обильным помещением на Новгородской земле мелкого дворянства, послужильцев, а зачастую и бывших боярских холопов в конце XV – XVI вв. Пестрота генеалогического состава, представление о преобладании среди служилых новгородцев худородных родов привело к распространению т. н. поганой книги, - списков бывших княжеских и боярских холопов-послужильцев, помещенных в последней четверти XV века в Вотьской пятине Новгорода. В местническом справочнике указание на упоминание в Поганой книге вменяется лишь трем родам: Татьяниным, Барковым и Нелединским.

Еще одним аспектом родовых «укоризн» оказываются сведения о проступках и позорных наказаниях предков. В сборнике упоминается несколько провинностей: «нетство» (неявка на службу) Ивашки Долгово-Сабурова (л.86об); служба «расстриге» (Лжедмитрию) Микифора Мертвого (л. 81-81об) и Темки Хитрова (л.108-108об); «безчестье» (оскорбление) Петра Бахметева (л.117об) и «измена» (в разгар Ливонской войны) Петра Ильина (л. 118). При этом в справочнике отмечается лишь несколько случаев позорного наказания: «выдача головою» (Семена Ляпунова в 7185/1677 г. - л. 49об) и битье батогами (Петра Бахметева «за безчестье Петра Тимофеева сына Кондырева» в 7179/1671, - л. 117об).

Особняком в сборнике стоят родословные пасквили. Они выделяются эмоциональностью языка, тенденциозностью отобранных фактов. В историографии наиболее известен пасквиль о происхождении бояр Сукиных (Лихачев Н. П. 1888. 213-217; Шмидт С. О. 1996. С.318-321). Однако черты пасквиля можно встретить и в описании других родов. Так, например, предком Измайловых Местнический справочник называет «крестового попа», а Ляпуновых – послужильца Ляпунку, которого «в 7018 наперед себя выслалъ обестить к великому князю Данилу Ивановичу» выехавший из Литвы Иван Петрович Хирон. Сама датировка (в 7018 (1510) году, конечно же, не могло быть великого князя Даниила Ивановича) уже указывает на фальсификацию сведений. В отношении Измайловых справочник приводит животрепещущее описание казни: «великий государь царь и великий князь Михайло Федоровичь ...указалъ изменников Артемья Измайлова да сына его Василья за их измену казнить смертью, отсечь головы. А меньшого сына его, Артемьева Семена Измайлова...указалъ битъ кнутом, вода по торгом и до тюрьмы...» (Л. 111об). В подобных отступлениях источника легко увидеть эмоции и чувства конкретных людей: их гордость, честолюбие, мстительность.

Выявление в тексте Местнического справочника «укоризн» происхождения и родства отдельных родов позволяет не только уточнить понятие «отеческого бесчестия» как одного из составляющих местнического спора, но и расширить представления о характере местнических отношений в средневековой Руси.

Источники и литература.

- Абрамович Г. В. Поганая писцовая книга // ВИД. Л., 1978. С. 173-195.
Валуев Д. В. Исследования о местничестве. М., 1845.
Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.
Маркевич А. И. О местничестве. Одесса, 1888.
Местнический справочник XVII века. Вильно, 1910.
Мятлев Н. Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912.
Шмидт С. О. Местничество и абсолютизм (постановка вопроса) // У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 330-380. Он же: Писари русские. // У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С.302-330.
Эскин Ю. М. Местничество в России XVI - XVII вв.: хронологический реестр. М., 1994.